

УДК 94(47+57):28"19"(045)

А.С. Лимаренко

Мариупольский государственный гуманитарный университет:

87500, Украина, г. Мариуполь, пр. Строителей, 129

E-mail: mgi@mariupol.net

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ СЕКТ

Анализируется деятельность русского сектантства в период возникновения, становления и развития советской власти в России.

Исторический итог русского народного духовного поиска – обоготворение вождя с одновременным превращением людской массы в некое «коллективное тело» и растворением в нем всякой, кроме лидера, индивидуальности: структура, исключительно точно воспроизведенная в советском обществе.

Религиозные искания представляют собой контркультурные феномены. Можно сказать, что всякая новая культура рождается как осознание кризиса предшествующей социокультурной парадигмы. Противостояние предшествующей культуре, рождение новых ценностей и практических установок можно рассматривать как процесс, постоянно воспроизводящий себя в мировой культуре. Доказано, что контркультурные тенденции в обществе рождаются именно там, где официальная культура пытается заполнить собой все стороны «социального организма».

В 1916 году Н.А. Бердяев в работе «Духовное христианство и сектантство в России» пророчески писал: «Ощущение от совпадения духовной жизни на вершинах, на заострениях культуры и в самых низах народной жизни дает самую большую радость и надежду на грядущее религиозное русское возрождение. Религиозное возрождение может быть лишь народным».

Большевистская революционная идеология поощряла диссидентство. На II съезде РСДРП 1903 года Ленин рассматривал русское религиозное сектантство, как одну из *движущих сил революции*. В результате обсуждения его доклада была принята резолюция, с поправками Плеханова, где сектантство характеризовалось как одно из демократических течений, направленных против существующего строя; членам партии указывалось на проведение активной работы по привлечению сектантов к революционному строительству. Позднее В.Д. Бонч-Бруевич утверждал, что «массовое сектантское движение сыграло выдающуюся роль в революции 1917 года», как в февральском, так и в октябрьском перевороте.

Революцию готовили, в том числе, и многочисленные русские секты. А шире и вернее – сектантское, еретическое, раскольническое движение в народе и в части интеллигенции, отвернувшейся от христианства, хотя ни в

1917 году, ни в годы гражданской войны активных и организованных выступлений сектантов за советскую власть не было. Согласно информации английского путешественника Уильяма Диксона, в конце XIX века к «расколу» принадлежали почти все крестьяне северного края, донского казаки, больше половине населения Поволжья и большая часть московского купечества. Фактически «раскол» составлял народную религию России, старообрядцы содержали шпионов, владели секретными фондами, устраивали своих людей при прессе, посылали агентов к царскому двору. Славянофил Иван Аксаков, участвуя в специальной экспедиции МВД в Ярославскую губернию в 1850-х гг., утверждал, что раскольников было три четверти от всего населения губернии. Экспедиция обнаружила в 37 раз больше раскольников, чем числилось по официальным документам.

По расчетам лидера кадетов П.Милюкова, к 1917 году количество русских раскольников приблизилось к 25 миллионам. Большевик В. Бонч-Бруевич оценивал количество сектантов в 35 миллионов человек. Данное число сектантов включало старообрядцев-раскольников, отнесенных большевиками к сектантам. Исследователь О.А. Воробьев отмечает значительное влияние русского сектантства на революцию 1917 года в России. Он пишет о том, что о сектантском же происхождении большевизма, достаточно красноречиво говорит младогегельянское происхождение самого марксизма. Для этой идеологии история, также как и для мистицизма имеет свой скрытый, «диалектический» смысл, в то же время доступный ряду посвященных лиц – в данном случае коммунистической верхушке.

В этой связи историк М.Агурский заметил: «Религиозный нигилизм и большевизм быстро обнаружили общность интересов в стремлении к «полному разрушению старого мира», причем «нельзя обойти молчанием и поддержку большевиков баптистами, евангелистами и адвентистами седьмого дня». Последние даже утверждали, что на Ленине почит «благодать Божия».

Вместе с тем еще в 1905 году в статье «Социализм и религия» Ленин требует бороться с «религиозным туманом». Под лозунгом «Религия – опиум для народа» он воспитывал у большевиков чувство ненависти к религии и ее представителям. 20 января 1918 года Ленин подписал «Декрет СНК об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», что развязало ему руки в борьбе с главным врагом коммунистической идеологии – православной церковью. Комментируя сложившуюся ситуацию в 1918 году, Патриарх Московский и всея Руси Тихон в своем послании в СНК пишет, что народ разделят на враждующие между собой станы, и ввергнут в небывалое по жестокости братоубийство. Таким образом, провозглашенная большевиками свобода совести, оказалась «злой шуткой» правящей власти. А. Кульский в своей работе «Толпа Розенкрейцеров» предполагает, это связано с

тем, что «в протоколах одного из заседаний французских «вольных каменщиков встречается имя В.Ленина. Речь идет о выделении Лениным как главой Совнаркома значительной суммы денег на восстановление масонского храма на улице Каде в Париже». Однако эта версия вызывает сомнения. Так, английский историк Бейджент Майкл и другие настаивают на невозможности приписать ту или иную политическую ориентацию обязательно принадлежности к масонству.

В области государственного-религиозных отношений политика строилась на марксистско-ленинском понимании общественной сущности религии и отношений государства и церкви, основанных на таких работах Маркса и Ленина. Их теоретические положения были закреплены в первых его правовых актах.

В перечень основных политико-правовых принципов входили: полное отделение церкви от государства, лишение церкви всех государственных функций и материальной поддержки, отношение ко всем религиозным общинам как к частным объединениям, запрет религиозным обществам владеть собственностью, лишение религиозных общин прав юридических лиц. Государству в лице его органов и должностных лиц запрещалось свою деятельность сопровождать религиозными обрядами и церемониями, в том числе, религиозными клятвами и присягами.

Однако в 1919 г., в разгар гражданской войны, Ленин издал особый декрет об освобождении ряда сектантов от военной службы, который вторично был подтвержден в 1920 г. Значительное число сектантов провозгласили себя коммунистами. Подобное явление было особо характерно для духоборов, молокан, новоизраильян, малеванцев и толстовцев. Впрочем, западнические «общины (евангелисты, баптисты, адвентисты) не отставали в «революционном деле».

Исследователь российского протестантизма Филатов отмечает, что по окончании гражданской войны сектанты становятся *союзниками большевиков* в «деле социалистического строительства». Например, большевики создали в 20-х гг. сравнительно благоприятные условия для развития протестантизма, хотя и тогда власти стремились поставить жизнь протестантских церквей под контроль. В дальнейшем надежды евангельских лидеров не оправдались. Однако в официальных выступлениях руководство ВСЕХБ все же стремилось поддерживать имидж «золотого века» для протестантов в 20-е гг.

Ознакомившись с деятельностью сектантов, Ленин предложил Бонч-Бруевичу написать от имени Наркомзема воззвание к сектантам о привлечении их к сотрудничеству для устройства образцовых колхозов. Оно было опубликовано в 1921 году и позволяло организовывать сектантские колхо-

зы, «чтобы призвать к творческой земледельческой работе эти народные, так называемые сектантские и старообрядческие массы».

К 1924 году коммунисты даже стали говорить о «возможности блока партии с религиозными течениями». Сектанты, покинувшие Россию в революционное время, возвращались в СССР, чтобы «принять участие в строительстве новой жизни». «Теперь более чем когда-либо», – писал в 1925 году руководитель секты адвентистов П. Свиридов, – «своевременно и нам совершить духовный сдвиг в деле проповеди троекратной евангельской вести по обширному СССР». В 1924-1925 гг. были подписаны декларации о *лояльности и сотрудничестве* с большевиками баптистами, евангелистами и адвентистами. В декларации о лояльности адвентистов было сказано: «Мы убедились в том, что Бог в своем привидении расположил свое сердце и дал мудрость нашему незабываемому В.И. Ленину и его ближайшим сотрудникам в деле мудрой организации единственного в мире прогрессивного и своевременного аппарата» [1, с. 6-7].

Выступая на XIII съезде РКП(б), Рыков заявил, что «сектантские течения», которые под «религиозным соусом» реализуют революционные задачи, необходимо использовать «всячески и целиком». Однако молодые коммунисты, во главе с Л. Троцким, возражали против «заигрывания» с сектами. Неожиданно для многих наблюдателей, вопрос о сектах вызвал раскол в партии. Дискуссия развернулась на секции по работе в деревне, где за резолюцию о сектах выступили Зиновьев, Луначарский, Бонч-Бруевич, против – Степанов-Скворцов, Ярославский, Красиков, Буденный, которые заявили: «мы пустимся в авантюру» и будем «поощрять прозелитизм». Калинин выступил за сохранение сектантских общин в деревне с дальнейшей заменой «религиозных функций» культурными, за сращивание большевизма с народной религией.

Однако эта позиция была утопичной. Уже в конце 1920-х годов партия отрицала свою связь с сектантами. В основе «антисектантской» кампании лежали, по меньшей мере, три главные причины. Во-первых, 1928-1929 гг. у руководства партии сформировалось убеждение, что русская православная церковь больше не является, несмотря на значительное число сохранившихся приходов и верующих, серьезным противником «новой революции». Отсюда в газеты перекочевал ряд стандартных утверждений: православные священники «ленивы, неизобретательны, безнадежно проигрывают состязание в идеологической борьбе». Совсем иное – сектантство. Сектант более гибок, опытен, хитер, популярен. В возродившихся в конце 1920-х годов диспутах православные священники всегда – в изложении авторов репортажей – были беспомощны, зато «куда мудрее, «подготовленней и слащавее» были оппоненты-баптисты. Соответственно и «сектант-

ские организации» расценивались как более гибкие, изворотливые по сравнению с русской православной церковью.

Коллективизация обозначила разрыв большевистской власти со «старыми утопиями». В этот период жестоким гонениям подвергалась РПЦ. О терроре против православной церкви и ее духовенства свидетельствует отрывок из документа, подписанного Лениным 19 марта 1922 года: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... Чем большее число... реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше», «Церкви и тюрьмы сравняем с землей». В 1922 году на свободе осталось всего 4 правящих епископов во главе с митрополитом Сергием.

В период коллективизации, происходит возрождение запрещенных еще царским правительством сект. Например, по данным А. Долотова, написавшего в 1930 г. книгу о сектах в Сибири, численность только зарегистрированных «сектантов» составила 29,5 тысяч.

Ярославский Е.М., характеризуя портрет современного ему сектанта, отмечал, что «в сектантстве мы имеем значительный элемент крестьянства, который ищет выхода из религиозного мировоззрения. Но он сейчас еще не нашел настоящей линии и пока «находит» ее в сектантстве» [3, с. 41-42]. Клибанов А.И. указывал, что «численный рост сектантства в 1917-1928 гг. не был характерен для всех видов сектантства. Христоверие, субботничество, духоворчество, молоканство не росли. Это были секты, пришедшие в упадок» [4, с. 64-65].

Проповеди скопцов, например, в этот период носили монархическую окраску. На собраниях «корабля» в 1929 г. говорили: «Скоро будет царь, воссядет на престол российский, будет творить волю Господню... Даст он верующим и имущим царство небесное и полную свободу. Советская власть пришла от антихриста, и властвовать ей дано очень короткое время». «Воссядет царь со славой, с небесной державой, – даст детинушкам волю, полную свободу, разрешит явную торговлю, а злых антихристов – неугодных Богу коммунистов – посадит в неволю».

Исследователи советского сектантства (Белов А.В., Тепляков М.К.) структурируют русские секты следующим образом.

1. Колеблющиеся между религией и атеизмом.
2. Убежденные верующие, для которых вера в Бога стала сознательным убеждением.
3. Фанатики, которые представляют собой сравнительно небольшую группу верующих.

4. Течения отечественного происхождения этнического характера (молокане, духоборы), которые быстрее «подошли к своему закату», чем секты протестантские.

Белов А.В., Демьянова А. считают, что в целом, в гораздо большей степени изменилось сознание русских сектантов – отдавая дань некоторым традициям, они проявляют равнодушие к религии. Важную роль в этой трансформации играет отсутствие воспроизводства сектантской идеологии в молодых поколениях. Более того, советские сектоведы утверждают, что исследования показали низкий образовательный уровень большинства членов сектантских общин, как правило, проживающих в сельской местности. «Современный верующий, входящий в состав сектантских объединений, имеет мало общего с сектантом, которого можно было встретить еще несколько десятилетий назад, а тем более в дореволюционные годы. Сегодня – это человек, который, хотя и не освободился от религиозных предрассудков, чаще всего честно выполняет свои гражданские обязанности. В сознании верующих все в большей степени будут находить место рационалистические, трансформироваться, практически сходить «на нет» [2, с. 11-12].

В советский период появляются *хорошо законспирированные* новые секты. Важнейшая особенность нового сектантства – его обращение к повседневной действительности. Если религиозные и мистические учения прошлого подчеркивали свое неприятие греховного «мира», то «советское» сектантство, приспособляясь к запросам современников, утверждает, что религиозный опыт совпадает с самой жизнью – дом, быт, работа, дети соприкасаются с религией. Такой «религиозный опыт придает всему конкретному, что переживается в будничном опыте, абсолютное измерение, соотносит каждую «единичность – с Единым». Данная позиция выгодна для сектантов, поскольку позволяет привлечь к себе как можно больше людей, не желающих порывать со своим привычным образом жизни.

В период Великой Отечественной Войны и до середины пятидесятых годов XX в. контроль государства над православной церковью и сектантством ослабел, потом в конце пятидесятых начале шестидесятых вновь усилился, но фактически никогда не прекращался.

Новый этап политики советского государства в отношении к религии приходится на вторую 1980-х гг. XX в., когда новое руководство КПСС во главе с М.С. Горбачевым объявило о смене идеологического курса под лозунгами «нового мышления» и «гласности».

Качественные изменения в партийно-государственной политике КПСС и Советского государства по отношению к религии проявились в публичном праздновании Русской Православной Церковью тысячелетия крещения Руси. Всесоюзное общество «Знание» подготовило цикл лекций и публикаций, посвященных юбилею, православной культуре и искусству,

религиозной нравственности. После встречи Генерального секретаря КПСС М.С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом в апреле 1988 г. и особенно после сентябрьского Пленума ЦК КПСС этого же года, рассмотревшего вопросы церковно-государственных отношений, начали регистрироваться новые приходы, передаваться им храмы.

Так начался процесс политической демократизации религиозной жизни общества. Однако, несмотря на ослабление идеологического и организационного давления, особенно на местах, сохранялась инерция политико-правовых целей, принципов и практики их реализации предшествующих лет. Одновременно в СССР произошла клерикализация многих общественных движений и политизация части религиозных объединений.

В эти годы возникли общественно-политические движения и политические партии религиозной направленности, такие как движение «Церковь и перестройка», «Христианско-демократический союз – Новая демократия», «Христианско-демократический союз России». Исламский спектр религиозно-политических движений того времени составили партии: Исламская партия возрождения, Исламско-демократическая партия (в Башкирии, Татарстане), Исламская демократическая партия (в Дагестане) и др.

Представители религиозных партий и движений ставили перед властью задачи: запретить вмешательство государственных управленческих структур во внутреннюю деятельность религиозных общин, принять новый закон о свободе совести, предоставить религиозным организациям право на участие в разработке этого закона и др. Эти партии и движения становятся заметным фактором политической активности.

Участие некоторых представителей власти различных уровней, особенно в национальных республиках, в религиозных праздниках, лоббирование интересов определенных конфессий свидетельствовало о том, что процесс клерикализации затронул органы государственной власти.

С распадом СССР, в странах СНГ политико-правовой процесс в сфере государственно-церковных и церковно-общественных отношений перешел в стадию конкретизации основополагающих целей и принципов в сфере религиозной жизни общества. Началась демократизация этих отношений, сопровождавшаяся полным разрушением советской модели политико-правового регулирования религиозной сферой жизни общества.

Библиографический список

1. Эткинд А. Хлыст / А.Эткинд. — М.: Прогресс, 1998. — 170 с.
2. Белов А.В. Секты, сектантство, сектанты / А.В. Белов. — М.: Политиздат, 1978. — 125 с.

3. Ярославский Е. Как вести антирелигиозную пропаганду / Е. Ярославский // Деятели Октября о религии и церкви. — М.: Политиздат, 1968. — 228 с.
4. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А.И. Клибанов. — М.: Политиздат, 1973. — 141 с.
5. Основоположники марксизма-ленинизма о религии и церкви // Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. — М., 1971. — С. 4–19.

Поступила в редакцию 20.11.2006 г.